

ЭО, 2009 г., № 5

© А.Ю. Худавердян*

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АРМЯНСКОГО НАРОДА В СВЕТЕ ДАННЫХ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ

Ключевые слова: Армянское нагорье, этногенез, арменоидный тип, социальная структура, репродуктивность, рождаемость, здоровье популяции, физиологический стресс, дизадаптация, диалог миров

“Есть только одна наука о людях во времени, наука, в которой надо непрестанно связывать изучение мертвых с изучением живых”.

М. Блок

Проблема этногенеза армянского народа продолжает оставаться актуальным предметом исследования. Многочисленные научные изыскания, использующие исторические, этнографические, археологические и языковые источники, внесли и продолжают вносить свой вклад в разработку этой проблемы. Главной целью нашего исследования было пополнить палеоантропологическими свидетельствами представления об истории формирования армянского народа. Антропологические особенности народа ни в коей мере не определяют направления исторического процесса, тем не менее формирование его физического облика, распространение и изменение опосредованно связаны с историей конкретного народа.

Генофонд неповторим и уникален, как неповторимы геномы отдельных людей. Генофонд популяции, представленный в каждом поколении разнообразными генотипами, не остается постоянным во времени, так как носители генотипов, вовлекаясь в демографические процессы посредством дифференциальных рождаемостей, выживаемости, плодовитости, смертности, а также миграции, в разной степени передают свои гены новым поколениям (Рычков 1982: 3–21). Такое изменение генофонда представляет собой процесс генетической адаптации человека к условиям среды (природной и социальной). Генетическая адаптация сильнее всего проявляется при экстремальном состоянии среды, когда ярче сказывается неравная приспособленность разных генотипов, приводящая к изменению соотношения генотипов в популяциях или же к постепенному отсеву в поколениях одних аллельных генов и распространению других¹.

История народа не всегда в равной мере и одновременно излагает историю всех древних компонентов, образовавших этот народ. Палеоантропологический анализ выявляет эти компоненты, определяя их вклад в формирование и развитие народа. Антропология помогает вскрыть процессы смешений народов в древности, определить неблагоприятные воздействия экологических условий в процессе становления того или иного народа. В процессе консолидации антропологическая составляющая, как правило, обнаруживает свою биологическую косность и может отставать от языковой, культурной, психологической и других составляющих этнического единения. На таком запаздывании и основывается возможность палеоантропологического анализа

Анаит Юрьевна Худавердян – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН Республики Армения; e-mail: akhudaverdyan@mail.ru

исторического пути, пройденного народом, прежде чем он достиг целостности. Палеоантропология Армянского нагорья – тому подтверждение. Мы практически имеем сейчас представление о физическом облике людей, населявших Армянское нагорье на протяжении всех основных этапов истории этого региона.

Демографические данные

Анализ антропологических материалов поселений позволяет составить представление о демографической структуре этих сообществ (Худавердян 2000: 15–20; 2005: 31–35, 46–56; 2008в: 227–235). После сведения воедино различных источников половозрастных определений удалось составить следующую демографическую картину. Демографические особенности раннебронзового населения соответствуют ожидаемым величинам по следующим признакам: ранняя смертность, тенденция к увеличению продолжительности жизни в мужской части палеопопуляции, быстрая смена поколений. Ранняя взрослая смертность характерна не только для женщин, но и для мужчин, что позволяет связать ее не только с деторождением, но и с высокой подверженностью населения различным заболеваниям. Привлекает внимание преобладание женских скелетов и отсутствие скелетов младенцев в могильниках. Преобладание женских скелетов в эпоху бронзы – достаточно универсальное явление. Отсутствие скелетов младенцев, возможно, связано с существовавшей среди населения традицией погребения малолетних по другому обряду. В палеоантропологических сериях эпохи поздней бронзы (Черная крепость) и античности (Черная крепость I) также нет скелетов младенцев, умерших до двухлетнего возраста. Практика археологических раскопок показывает, что число детей, реконструируемое по количеству детских погребений, – недостоверный показатель. Зачастую бытовавшие традиции предусматривали специальные места для захоронения детей (Она же 2008в: 228). В таком случае, “не попав” на этот участок или “попав” именно на него, исследователь получает искаженную картину. Сохранность детских костей, как правило, намного хуже взрослых. У ряда этносов обряды погребения детей и взрослых существенно различаются, чем и обусловлена меньшая встречаемость детских скелетов в древних могильниках. В данном случае мы вправе предположить, что реальное число умерших детей превышало число обнаруженных детских погребений.

Число детей, приходящихся на одну женщину репродуктивного возраста (15–45 лет), т. е. на одну семью, у отдельных палеопопуляций Армянского нагорья практически было одинаковым (Табл. 1). Лишь в ланджикской популяции (эпоха ранней бронзы) на семью приходилось более двух детей, в остальных – не более одного ребенка. Соотношение женских и детских погребений в могильниках указывает на то, что из числа родившихся у каждой женщины детей умирали двое, реже – трое, что характеризует реально существовавшую демографическую особенность изученных популяций с территории Армянского нагорья. В этом случае для поддержания существовавшей численности популяции каждая женщина должна была родить трех-четыре детей, что, по-видимому, имело место. Величины коэффициентов репродуктивности характеризуют стационарное состояние популяций Армянского нагорья и, следовательно, ее постоянное воспроизводство.

Низкий уровень рождаемости, вероятно, был обусловлен рядом причин демографического и социально-экономического характера. К демографическим относятся низкая численность населения детородного возраста, высокий уровень незамужних и холостых, снижение уровня плодovitости женщин в результате сознательного ограничения деторождения и т.д., а к экономическим – в первую очередь плохое материальное положение населения и т.д. Немалую роль играли и факторы экологического характера. Положительным моментом характеристики воспроизводства населения следует считать снижение детской смертности в двух античных поселениях (Вардбах, Черная крепость I).

Как показывают данные палеодемографии и палеопатологические наблюдения, палеопопуляции Армянского нагорья существенно различались по средней продолжительности жизни и выраженности возрастов наибольшего риска, по состоянию здоровья. В изученном нами материале наблюдаются две тенденции: у женщин средняя продолжительность жизни в эпоху поздней бронзы (Черная крепость) незначительно выше, чем у мужчин. Увеличение продолжительности жизни женщин чаще всего сопряжено с уменьшением стрессов во время беременности и родов. Аналогичные данные были получены и в эпоху античности (Вадбах). Наводит на некоторые размышления пониженная величина теоретически ожидаемой продолжительности жизни мужчин по сравнению с женщинами, что для эпохи бронзы в целом не характерно (Acsádi, Nemeskéri 1970: 174). Сопоставление этой особенности с характеристиками физиологического стресса (возможно, пищевого), позволяет выдвинуть гипотезу о недостаточности пищевых ресурсов, что отразилось в первую очередь на мужской части популяции из Черной крепости. Частота встречаемости маркеров эпизодического стресса в этот период также весьма высока. Средний возраст смертности бениаминских мужчин (эпоха античности) и мужчин из Черной крепости I выше среднего возраста женщин. Исходя из того, что группы обитали в одинаковой природной среде и, вероятно, имели весьма схожий по типу хозяйственный уклад, можно предположить, что различия в величинах демографических показателей смертности определяются как разной численностью групп, так и социальными и культурными условиями жизни античных поселений.

Какой бы стороны ролевых характеристик мы ни коснулись, они свидетельствуют о том, что был определенная функция воспроизводства населения и социальные институты. С выполнением роли “хозяина дома и семьи” были связаны авторитет и главенствующее положение в семейной иерархии, что находило отражение в особенностях традиционной семьи, которая была преимущественно патриархальной, патрилокальной и патрилинейной. Однако влияние женщин, их авторитет в обществе не уступал авторитету мужчин. Вероятно, у древних людей существовало четкое разделение сфер влияния между представителями полов. Основные права и обязанности отца семейства были опосредованы патрилокальностью и патрилинейностью института семьи. В свете сказанного патриархальность ее состояла в том, что власть и влияние отца семейства вытекали из его обязанностей содержать членов семейного союза. Суммарным выражением прав и обязанностей первого лица и господина семейного коллектива были право и обязанность не только обеспечивать материальные и духовные потребности членов семьи, но и охранять, а при необходимости и спасать и защищать их. Возрастала и роль мужского труда, что было неизбежно при земледельческо-скотоводческом хозяйстве.

Оценка общего состояния здоровья по маркерам стресса

На сегодняшний день мы располагаем весьма скудными данными о распространенности тех или иных заболеваний у населения Армянского нагорья, об их процентном соотношении у различных социальных групп населения и эпохальной эволюции этих болезней². Но первые попытки анализа этой проблемы уже предприняты (Худавердян 2000: 21–34; 2005). Экстремальные и социальные условия жизни негативно отразились на состоянии здоровья древнего населения Армянского нагорья. Плохие гигиенические условия, грязь, инфекции, массовая зараженность паразитами, плохое качество пищи не могли не оказать кумулятивного воздействия на морфологию скелета. Анализ маркеров *анемии* на палеоантропологическом уровне демонстрирует влияние природных факторов и условий среды обитания (изменение рациона питания, плотности населения, миграция, переход населения к другому типу хозяйствования и т.д.), а также позволяет судить о распространенности анемии в различные исторические

эпохи. Следует отметить, что любая врожденная или приобретенная форма анемии приводит в условиях высокогорья к более серьезным последствиям, чем на равнине. На скелетах III тысячелетия до н.э. из Армянского нагорья (Ланджикский некрополь) зафиксированы следы анемии (66,7%). Впоследствии анемия стала встречаться здесь (Черная крепость, начало II тысячелетия до н.э.) реже (46,2%). Специфические изменения на верхней внутренней поверхности глазницы (*crista orbitalia*) имеют низкую частоту фиксации на бениаминских черепах (эпоха античности), но максимальную у вардбахских (эпоха античности). У мужчин *crista orbitalia* встречается чаще, чем у женщин. Это относится ко всем возрастным группам (Бениамин, Вардбах). Во всех случаях признак выражен слабо. Факт меньшей частоты встречаемости данного маркера стресса у женщин может быть истолкован как косвенное свидетельство несколько лучшего состояния здоровья женской части популяции, возможно, в силу социальных причин. В целом стрессовые нагрузки на территории Армянского нагорья, судя по этому индикатору, были чрезвычайно велики.

Периостит – это реакция костной ткани на большой круг патогенных причин (Orthner, Putchar 1981). Не очень сильная степень выраженности периостита в эпоху поздней бронзы (Черная крепость) склоняет нас к тому, чтобы расценивать эти проявления как физиологическую реакцию, находящуюся на грани между нормой и патологией. Какие причины возникновения периостита являются наиболее вероятными? Анемические синдромы, инфекции, воспаления травматического происхождения (Ibid. 1981: 235), хронические гельминтозы (Козловская 2002: 141–159) или ограничение подвижности (Федорова и др. 1997: 55–68)? Наши наблюдения позволяют предположить, что субъекты из могильника Черная крепость в течение жизни испытывали значительные физические нагрузки, особенно на плечевой пояс (“всаднический комплекс”). Это, вероятно, связано с ограничением пешего перемещения в условиях высокогорья. Малоподвижное пребывание в холодной среде могло быть причиной переохлаждения ног, развития застойных явлений в периферической кровеносной и лимфатической системах, что провоцировало реактивные состояния периостита. Обратим внимание на распределение признака в сериях из античных погребений (Бениамин – 32,3, Вардбах – 61,6, Черная крепость I – 21,1). Заметим, что периостит и *crista orbitalia* максимально фиксируются у погребенных в могильнике Вардбах. Интересно, что у вардбахских погребенных периостит чаще фиксируется у женщин, значительно реже – у мужчин и детей (♀ – 38,5 и ♂ – 15,4). Возможно, периостит вызван стрессами, связанными с видом деятельности взрослого населения. Население, занимавшееся скотоводством, по-видимому, было заражено гельминтами. Все приведенные данные говорят в пользу того, что кость здесь, как и при других патологических процессах, следует рассматривать не изолированно, а как единое биологическое целое, связанное с жизнедеятельностью человека.

Снижение парциального давления кислорода в атмосферном воздухе – один из факторов суровых климатических условий высокогорья. Низкая температура и влажность воздуха, ураганные ветры, возрастающая интенсивность солнечной радиации, особенно в ультрафиолетовой ее части, создают сложный комплекс погодных условий в горах, который оказывает стрессовое воздействие на организм человека. В связи с этим суровый климат высокогорья – реальный фактор риска возникновения *криогенных* повреждений. В палеоантропологических материалах чаще фиксируют васкулярные реакции костной ткани: широкие питательные отверстия, которые образуют рисунок, напоминающий пористую поверхность апельсиновой корки (Бужилова 1995: 56). Этот признак отмечается на своде черепа: на лобной, теменных и затылочной костях. Наличие васкулярных изменений костей свода черепа максимально отмечено у населения ранней бронзы (Ланджик). Криогенный стресс в гораздо большей степени испытывали мужчины, нежели женщины и дети (женщины и дети основную часть суток пребывали дома, занимаясь хозяйством).

В условиях повышенного криогенного стресса формируется тип хозяйства с высококалорийным рационом, содержащим большой процент белков и жиров. Напротив, с понижением холодовой экстремальности среды в рационе питания увеличивается удельный вес продуктов с высоким содержанием углеводов, что характерно для земледельческого типа хозяйства. Ряд заболеваний в той или иной мере провоцируется пищевыми стрессами. В качестве одного из прямых маркеров пищевого стресса следует считать обнаружение *кариеса* в палеопопуляциях. У представителей эпохи бронзы встречаемость кариеса максимальна. По результатам хронологической изменчивости уровня кариеса можно заключить, что такие факторы, как использование природных консервантов, определенный режим термальной обработки пищи, употребление новых продуктов влияли на изменение структуры рациона в целом, что сказалось на состоянии зубов населения Армянского нагорья.

На территории Армянского нагорья частота встречаемости ореховидных вздутий (*торус*) невелика. Эти структуры рассматриваются как своеобразные контрфорсы, появляющиеся в результате значительных механических нагрузок на корни зубов. Такие нагрузки возникают тогда, когда, зажатый между зубами предмет пытаются вытянуть с приложением больших усилий. Подобные напряжения типичны для ряда хозяйственных операций, известных из этнологии (выделывание кожи, затягивание веревок из жил и т.д.). Преждевременная функциональная стертость жевательной поверхности у субъектов зависит как от твердости потребляемых продуктов, так и от необходимости длительного пережевывания, перетираения чего-либо (т.е. использование зубов в качестве рабочего инструмента). Равномерная стертость передних зубов и развитие костного рельефа в области приклевания жевательной мышцы у женщины из античного могильника Вардбах (погребение № 4) дают основание предположить преждевременную стертость зубов как следствие функциональной нагрузки. Такая особенность зубов может быть связана либо с неправильным прикусом, либо с использованием зубов в трудовой деятельности. Тщательное изучение одонтологического материала позволило обнаружить наличие корреляции между костными утолщениями (торусы) и деформацией зубов (Бениамин) (Худавердян 2000: 33). Можно предположить, что отмеченные зубы подвергались дополнительной нагрузке. Поэтому субъекты с ореховидными вздутиями могут быть рассмотрены как косвенное свидетельство интенсивной хозяйственной активности древнего населения. Минимальная встречаемость этого маркера зарегистрирована у погребенных эпохи поздней бронзы.

К пищевым патологиям можно отнести дефект зубной эмали (*гипоплазия эмали*). Гипоплазия эмали – порок развития, имеющий следствием нарушение ее строения и являющийся результатом недостаточной или замедленной функции адамантобластов. Изменение их функции происходит в результате нарушения деятельности парашитовидных желез, что происходит при таких болезнях, как корь, скарлатина, сифилис, рахит и др. Характеризуя палеопопуляции Армянского нагорья, следует отметить высокий процент встречаемости эмалевой гипоплазии. Достаточно высокая частота встречаемости эмалевой гипоплазии во всех возрастных группах, включая детские, говорит о стабильности стрессовой ситуации в детском возрасте. Отсутствие четкой разницы между обсуждаемыми показателями у взрослых и детей также свидетельствует о том, что эти стрессы в массе своей не приводили к гибели. Иногда отмечается полное отсутствие эмали (*аплазия*), чаще встречающееся на буграх моляров или режущем крае резцов. Величина, глубина, локализация участка поражения зависят от возраста и продолжительности действия факторов, нарушающих кальцинацию. Максимальная степень поражения эмали отмечена в палеопопуляции из Черной крепости.

Флуктуирующая *асимметрия* у человека отражает уровень стресса в популяции, являясь реакцией на неблагоприятные условия развития организма. Флуктуирующая

асимметрия более отчетливо проявляется в этнических группах с архаичным типом хозяйства, что также согласуется с выводом о связи этого феномена с тяжелыми условиями жизни. У погребенных в Бениамине (эпоха античности) частота встречаемости кривизны контура вестибулярной поверхности коронки имеет максимальную асимметрию на территории Армянского нагорья. Наиболее вероятные причины этих стрессов – голод, недоедание, патологии желудочно-кишечного тракта.

Есть все основания предполагать, что рацион питания населения Армянского нагорья включал главным образом мясо наземных млекопитающих; растения же были представлены в ограниченном количестве. Хорошая естественная сохранность костей животных позволяет трактовать огромное их количество как свидетельство большого объема потребления мяса и мясной пищи жителями Армянского нагорья, но следует учитывать, что значительная часть мясной пищи, вероятно, была жертвенной. Проведенный анализ зубных патологий и содержания стабильных изотопов позволяют судить о том, что существенная часть рациона питания раннеземледельческого населения Передней Азии, Леванта, Телль-Хазны и других местностей также была представлена животными белками (*Медникова, Добровольская 2008: 301–304; Lösche et al. 2006* и др.).

Свидетельства травматогенного риска

Высокая подвижность древних людей, долгие высокогорные переходы, связанные с миграцией, собирательством, скотоводством и охотой, активное освоение среды и ее агрессивность – все это не могло не сказаться на уровне полученных травм. Дырчатые, слепые и сквозные переломы очень часто наблюдаются в палеоантропологических коллекциях (*Худавердян 2005: 59–84*). При тяжелых травмах наличествуют повреждения смешанного типа, распространяющиеся на несколько анатомических областей скелета (Черная крепость, погребение № 37). Переломы лицевых костей встречаются чаще повреждений свода и основания черепа. Это обстоятельство можно объяснить выступающим положением некоторых лицевых костей, прикрытых тонким слоем мягких тканей (кости носа, скуловые кости, нижняя челюсть), недостаточной прочностью и сопротивляемостью костей и мест их соединения (скуловые дуги и места швов, соединяющих скуловую кость с другими и т.д.). Из лицевых травм наиболее распространены переломы и фиксация смещенных носовых костей.

Гипоксия головного мозга играет большую роль в возникновении ряда патологических явлений в остром периоде травмы. На основании проведенных исследований нами установлено, что у субъектов с черепными травмами из могильника Черная крепость зафиксирован признак анемии в форме гипертрофии костной ткани в области внутреннего угла глазниц. При этом у двух женщин наблюдается наличие внутренней водянки. Четкие корреляции между отмеченными выше признаками подтверждают высказанное предположение. Объяснить данный факт можно или агрессивной средой обитания населения Черной крепости, характеризующейся воинственностью, сопряженной, возможно, с увеличением плотности популяций эпохи поздней бронзы, или распространением обрядов посвящения, затрагивавших и мужское, и женское население³. До тех пор, пока не будут получены новые данные, следует обсуждать оба предположения.

При раскопках в Черной крепости был обнаружен скелет женщины (погребение № 37, возраст около 50 лет), у которой в верхней части диафиза локтевой кости имелся перелом (в области *foramen nutricium*) с исходом в локтевой сустав. Движения и нагрузка привели к преждевременному деформирующему артрозу в локтевом суставе. Сочленяющиеся поверхности в новом суставе имели мощные краевые костные разрастания. Помимо описанных изменений у нее отмечена грыжа межпозвоночного диска. В результате наблюдается дистрофия костей, переходящая остеклазия и перелом второ-

го шейного позвонка в области *tuberculum post*. Женщина в течение жизни испытывала значительные физические нагрузки. Затылочный рельеф, остеобластическая реакция в месте прикрепления шейной мускулатуры выражена ясно. Посткраниальный скелет можно характеризовать как умеренно массивный. Костный рельеф развит значительно на плече, локтевой и лучевой костях, лопатке и на бедре. Анализ скелетных останков женщины дает основания предположить, что она была амазонкой⁴ (всадницей). Причиной этих нарушений и перелома могло стать падение с лошади. Примечательна обнаруженная сильная остеокластическая реакция на тазе и признаки подагры. Интересно, что Гиппократ отмечает: “Верховая езда, при которой ноги постоянно висят по бокам лошади, производит... опухоли; затем при сильном развитии этой болезни является растяжение бедер и хромота”, и далее, “где много и часто ездят верхом, там очень многие страдают опухолями, ломотою в бедрах и подагрой” (Кузнецова 1992: 88, 91). Женщина-всадница, оставшись инвалидом, прожила после травмы много лет.

У 38,5% субъектов из Черной крепости ярко выражены признаки развития рельефа, связанные с регулярной верховой ездой и дополнительными нагрузками на плечевой пояс (стрельба из лука?). Это, вероятно, имеет отношение не только к ограничению пешего перемещения в условиях высокогорья, но и к участию населения в боевых действиях.

На правой берцовой кости у одного из погребенных в Вардбахском могильнике (эпоха античности) обнаружен дисковидный некроз эпифиза. В происхождении заболевания (болезнь Кенинга или расслаивающий остеохондрит) важную роль играет хроническая микротравматизация, вызывающая нарушение питания кости. О роли физической нагрузки свидетельствует тот факт, что заболевание преимущественно встречается у субъектов, занимающихся тяжелым физическим трудом (каменотесы, лесорубы и пр.). У женщины из могильника Вардбах (погребение № 10) выявлен перелом малой берцовой кости. Длительная усиленная механическая нагрузка привела к нарушению целостности костных элементов и к их разъединению. А часть ее левой берцовой кости покрыта периостальной костной мозолью. Этот процесс характерен для местного оссифицирующего травматического фиброза.

Дегенеративно-дистрофические поражения костно-суставного аппарата

Как известно, скелет человека подвержен возрастным изменениям. Разнообразные патологии старшего возраста связаны с износом скелета; появление же дегенеративных изменений на суставах молодых людей свидетельствует о значительном стрессе (инфекционном, механическом, метаболическом – в зависимости от вида патологических изменений). Деформирующие артрозы (болезни суставов) и спондилезы (болезни суставов позвоночника) характерны для всех эпох (Табл. 2). Пожалуй, после зубных патологий они относятся к числу наиболее распространенных, причем частота их встречаемости не имеет прямой зависимости ни от климата, ни от рациона или уровня жизни. Максимальная частота фиксации этих маркеров наблюдается у погребенных в могильниках Черная крепость (эпоха поздней бронзы) и Бениамин (эпоха античности). В выборке из позднебронзовых погребений болезнь Кашин-Бека (уровская болезнь) отмечена у 15,4% субъектов. У античных погребенных (16,7%), по сравнению с субъектами из погребений Черной крепости, признак выявлен в пределах чуть больших величин. По мнению одних исследователей, возникновение данного заболевания обусловлено большим содержанием в питьевой воде солей стронция, другие же ученые этиологическим фактором считают грибки. Узел Шморля формируется в результате механического сдавливания позвонков и может быть успешно использован для реконструкции физических нагрузок. Максимальная частота встречаемости маркера механического стресса наблюдается у погребенных в могильнике Вардбах.

Доброкачественные и злокачественные опухоли костной ткани⁵

На костных материалах Армянского нагорья были выявлены доброкачественные опухоли (остеома), наиболее часто фиксируемые на своде черепа. По нашим данным, остеома встречается практически во всех исследованных сериях. Очень редкий вид локализации остеома наблюдается на внутренней стороне нижней челюсти у мужчины (30–40 лет, погребение № 217) из могильника Бениамин (*Худавердян* 2000: рис. 6, 8). В результате наших исследований экзостозы разной локализации выявлены у 50,3% субъектов античных могильников – Черная крепость I и 18,5% – Вардбах. Следует отметить уменьшение частоты встречаемости доброкачественных образований в более поздние эпохи. Помимо доброкачественных образований нами были выявлены и злокачественные изменения на костях скелета с метастазами в различные отделы. Обширные раковые остеофитозы фиксируются у субъектов античных могильников Черная крепость I 5,3 и 7,7% Вардбах (*Она же* 2005: рис. 6. 15 – 6. 20). У женщины (погребение № 7, 25–35 лет) из Вардбахского некрополя в грудных позвонках были зафиксированы склерозирующие метастазы (синдром Мари-Бамбергера) (Там же: рис. 6, 22). Рисунок окостеневших периостальных наслоений диафиза плечевой и лучевой костей отличался довольно правильной, но преимущественно продольной складчатостью. Треть свода черепа была разрушена преимущественно в его поверхностных слоях. Часть очагов деструкции имела ландкартообразный вид в результате слияния ранее изолированных очагов поражения. Эта патология, вероятно, и послужила причиной смерти. Аналогичные изменения скелета мы наблюдали у 23,1% субъектов Вардбахского некрополя.

Трепанематозы

Самые древние находки костей с признаками сифилиса на территории Армянского нагорья обнаружены у носителей куро-араксской культуры (Ланджик). Исследованные нами костные материалы из раскопок показали наличие на женских и детских черепах сифилитических проявлений (Там же). У женщины 30–40 лет из памятника Черная крепость (погребение № 9) на левой части лобной и теменной костей имелись два круглых окостеневших сифилитических гомма шаровидной формы. Подобные гуммозные поражения отмечались также на затылочной кости мужчины 40–50 лет из погребения № 10 и на левой части лобной кости мужчины 20–30 лет из погребения № 14. Сифилитические бляшки в эпоху античности обнаружены у 1,39% погребенных в могильнике Бениамин, у 15,3% – в некрополе Вардбах и 26,4% – в могильнике Черная крепость I. На каждом черепе было несколько (от двух до семи) сифилитических бляшек.

Итак, у населения Армянского нагорья выявлены различные патологические изменения, возникающие на общем фоне процессов дезадаптации организма к экстремальным и социальным условиям.

Физический тип

Арменоведов волнует несколько ключевых вопросов. Прежде всего это вопрос об антропологическом составе армян. Иными словами, существует ли какая-то комбинация физических черт, которая может быть присуща только армянам? Каковы взаимоотношения армян с окружающим населением и фиксируются ли они данными антропологии? Постараемся всесторонне осветить эти и другие вытекающие отсюда вопросы, основываясь на предшествующих исследованиях антропологии армян и на новых разработках, содержащихся в настоящей статье (Табл. 3).

Проблеме происхождения арменоидного типа посвящена огромная литература (*Абдушелливили* 1966: 76; *Алексеев* 1974: 83–183; *Бунак* 1927: 166–198; *Kherumian* 1943: 67 и др.). Ф. Лушан (1911) считает, что арменоидный тип отличается исключительно своеобразной формой носа. Однако соматологические материалы, собранные

М.Г. Абдушелишвили (1966), показывают, что никаких специфических отличий от других народов Закавказья армяне не имеют ни в форме ноздрей, ни в положении кончика носа. Последняя особенность, правда, отличается исключительно сильным выступанием, и по ней армяне занимают на Кавказе крайнее место (Алексеев 1974).

Другим отличительным признаком арменоидного типа считалась резко выраженная брахикефалия. Палеоантропологический материал северной периферии Армянского нагорья показывает, что представители ранних эпох характеризуются долихокранией и что брахикранные варианты обнаруживаются только в эпоху средневековья (Алексеев 1974: 114–125; Худавердян 1999: 139–147). Следовательно, невозможно ориентироваться на величину черепного индекса при поисках истоков этого типа в палеоантропологических материалах – брахикефалия этого типа представляет собой позднее явление. На наш взгляд, нет оснований искать древних представителей арменоидного типа исключительно в брахикранных сериях. Не следует забывать и заслуживающего серьезного внимания наблюдения Л.В. Ошанина, согласно которому характерный для арменоидов комплекс признаков и в настоящее время сочетается иногда с длинной формой черепа (1957: 55). Мы разделяем вывод Г.Ф. Дебеца о том, что “значение головного указателя для классификации европеоидных типов Передней Азии оказывается значительно меньшим, чем это обычно предполагается. Нельзя считать арменоидными все брахикранные черепа, а главное, нельзя отделять от арменоидного типа все долихокранные черепа” (1951: 335–370). В западной периферии Армянского нагорья, после геноцида, В.В. Бунаком были собраны и изучены черепа современных армян. Он указывает в монографии “*Stania armenica*”, что “в арменоидном черепе, по внешности ясно брахиоидном, в завуалированном виде содержатся элементы долихоидной формы” (Бунак 1927: 221).

Остается один признак, четко выделяющий арменоидов из ряда других типов средиземноморской ветви европеоидов, а именно исключительно сильное развитие волосяного покрова на лице и особенно на теле. По этому признаку выделяются многие этнические группы Передней Азии; в противоположность балкано-кавказской группе они значительно более темнопигментированы и отличаются гораздо более сильным развитием третичного волосяного покрова. Арменоидная группа популяций представляет собой одно из конкретных выражений типологического многообразия, существующего внутри любой достаточно высокой по таксономическому положению систематической категории, к которой относится переднеазиатий (понто-загросский, восточносредиземноморский) антропологический тип.

Восточносредиземноморский тип “известен с самых древних времен и имеет широкое распространение во всех областях Двуречья, начиная с его южной части до верховьев Тигра и Евфрата, и далее, до западного конца Анатолийского полуострова, с одной стороны, и до внутренних областей Ирана, с другой. Никаких других... элементов в древнейшем населении Передней Азии констатировать нельзя” (Там же: 206). Формирование восточносредиземноморского типа, вероятно, проходило и на территории Армянского нагорья и Закавказья. Следует отметить, что культурная преемственность на Армянском нагорье действительно сопровождалась генетической преемственностью, что население представляло собой некую генетическую общность, отличную от других древних племенных или этнических образований. Сопоставление антропологических данных Армянского нагорья по отдельным временным срезам позволило выявить динамику развития населения начиная с эпохи ранней бронзы и кончая современностью (Худавердян 1999: 139–147, 2001: 13–15). Это, в свою очередь, дало возможность проследить характерные для изучаемых времен антропологические типы и наметить наиболее близкие к ним генетические формы в пространстве и во времени. Изучение антропологических данных показало, что население Армянского нагорья имеет очень древнюю местную основу, относящуюся скорее всего к эпохе ранней бронзы.

Первый период (III тысячелетие до н.э.). Анализ распределения краниологических признаков позволяет выявить два основных европеоидных пласта. Еще в 1974 г. В.П. Алексеев указывал на существование двух самостоятельных краниологических вариантов в составе населения Армянского нагорья. Каковы же различия между этими краниологическими комплексами?

Восточносредиземноморский вариант I. Представители этого типа имеют сравнительно узкое и невысокое лицо, что является наиболее характерной особенностью этого варианта. Лоб среднеширокий; лицевая часть в основном ортогнатная (встречаются и мезогнатные за счет альвеолярного прогнатизма формы), нос средней ширины, резко выступающий. К нему относятся краниологические серии из Ланджика и Джарата.

Восточносредиземноморский вариант II. В числе отличительных морфологических признаков следует выделить высокий и среднеширокий лицевой скелет. Лобная кость довольно широкая и средней наклонности. В эту группу включены серии из Шенгавита и Мейданнера.

Во втором периоде (XV/XIV–XI вв. до н.э.) отчетливо выявляются основные антропологические компоненты по сочетанию отмеченных выше признаков. К восточносредиземноморскому первому варианту относятся субъекты из Неркин Геташена, а ко второму – из Артика. Как видим, это то же население, которое бытовало в этих местах в предшествующий период.

Третий период (XI–IX/VIII вв. до н.э.). Анализ антропологических признаков позволяет выявить аналогичное сочетание признаков. К восточносредиземноморскому первому варианту относятся черепа из Сарухана и Арцвакара, а ко второму – из Норадуза-1, Цамакаберда и Орома.

Население Армянского нагорья в **четвертом периоде** (VIII–VI вв. до н.э.) относится к **восточносредиземноморскому III варианту**. Представители этого типа имеют сравнительно узкое и высокое лицо, что наиболее характерно для данного варианта. В указанную группу включены серии из Норадуза II и Урарту (отдельные субъекты из погребений урартского периода, суммарно). Таким образом, в пределах восточносредиземноморского комплекса признаков можно выделить ряд морфологических комбинаций, присущих отдельным группам популяций (от эпохи бронзы до античности).

Пятый период (I в. до н.э. – III в. н.э.). Детальный анализ краниологических материалов из могильника Бениамин позволил выявить сложный антропологический состав античного населения Армянского нагорья, раскрыть причины антропологической и этнической неоднородности населения (*Худавердян* 2000: 35–68; 2001: 11–12). Анализ признаков дает возможность выделить две группы населения. Первая характеризуется средним продольным, малым поперечным и высотным диаметрами, долихокранным строением черепа, лицо у них среднеширокое и средневысокое, с некоторым ослаблением горизонтальной профилировки, орбиты средневысокие и широкие. Вторая группа характеризуется следующими морфологическими признаками: очень большой продольный, средний поперечный и высотный диаметры, ширина лба, длина лица у последних отличаются малыми размерами, лицо средневысокое, сильно профилированное в горизонтальной плоскости, орбиты среднеширокие и средневысокие. Второй комплекс признаков – наиболее древний и должен быть отнесен к восточносредиземноморскому второму варианту. Указанный комплекс является одним из основных компонентов антропологического состава населения Армянского нагорья более позднего периода (*Она же* 2000: 35–59). К восточносредиземноморскому первому варианту относятся античные черепа из могильников Ширакаван и Карчахпюр.

Большой интерес представляет генезис и судьба другого компонента, установленного на палеоантропологическом материале Бениаминского могильника в эпоху античности. Поиск его, проведенный путем широкого сопоставления с антропологическими комплексами эпохи античности с окружающих территорий, позволяет высказать предположение, что носители этого комплекса могли быть немногочисленными и

постепенно растворились в общей массе местного восточносредиземноморского населения. Нужно сказать, что носители данного комплекса напоминают представителей с территории Молдовы (могильник Николаевка) и Туркмении (Мешрети-Тахта) (Там же: 101). Имеет ли этот комплекс признаков на территории Армянского нагорья древние корни? Палеоантропологические материалы, рассматриваемые выше (несмотря на некоторые лакуны), дают возможность констатировать, что носители указанного комплекса признаков появились именно в рассматриваемую эпоху. Не исключено, что обычай искусственной деформации головы и зубов, зафиксированной на черепах из античных погребений Армянского нагорья, может служить признаком нового этнического самосознания (*Она же* 1997: 138–144; 2004: 65–72, 2005: 91–95). Итак, в эпоху античности на Армянском нагорье (в Ширакской равнине) были выявлены ранее незафиксированные черепа, с лобно-затылочной деформацией, что служит довольно четким этническим признаком.

В местном социуме в эпоху античности происходило становление регулятивных механизмов, явствующих о применении насилия по отношению к “своим”. Биопсихической первоосновой фона потенциального насилия было то, что можно назвать соматической готовностью к насилию, вырастающей из ощущения телесной стесненности, создаваемой рядом ритуалов, связанных с детским и подростковым периодами. Обычай преднамеренной кольцевой деформации головы был известен у античного населения Бениамина, Ширакавана и Кармракара. Четкие следы указанной точечной деформации головы отмечены у субъектов из античного могильника Вардбах. Она характеризуется локальным незначительным понижением свода и “точечной” реакцией (0,5–0,7 мм) костной пластины. Подобные видоизменения костной ткани мозговой коробки отражают длительное воздействие на свод предмета (или предметов?) с постоянным положением относительно продольного и поперечного диаметров головы. Объективным критерием этого, в частности, является симметричное расположение точечных участков на черепе относительно сагиттального и венечного швов. Поскольку воздействие таких предметов на голову было довольно длительным (выраженное в наличии устойчивой реакции костной ткани), можно полагать, что укрепленные на голове конструкции выполняли роль головного убора, украшения или предмета культа, т.е. могли служить знаками социального отличия (*Попов и др.* 1997: 58–66; *Худавердян* 2005: 91–95).

К подобным механизмам относились многие обряды и ритуалы, которые помимо оказания мощного идейно-психологического воздействия на поведение молодых субъектов (возрастная агрессивность) включали в себя и акты физического насилия. Наиболее заметными из них были обряды инициации (*Бочаров* 2000: 497–532). В частности, речь идет о привычке подпиливать зубы. При этом иницируемые должны были безропотно переносить боль, что свидетельствовало об их готовности к выполнению социальной роли взрослых. Эти “экзамены” не расценивались испытуемыми в качестве “неправовых”, т.е. насильственных, а наоборот – вызывали у них чувство гордости за приобретаемый в результате этого статус. Нами определены следующие отличительные типы искусственной деформации зубов: обряд вырывания и подпиливания. Решение вопроса о том, с каким явлением связана искусственная деформация зубов – обрядовым или бытовым (использование зубов в качестве рабочего инструмента) – требует дальнейшего исследования для объяснения этого феномена. Следует уточнить, что субъекты из Бениаминского некрополя с искусственной деформацией головы и зубов морфологически заметно отличаются от остальных. Горизонтальная профилировка лица у них несколько ослаблена.

Шестой период (XX в.). Заключительный этап этногенетического процесса на территории Армянского нагорья также нашел свое отражение в антропологических данных. Исследование краниологии армян (Ванский р-н) с точки зрения их места среди древнего населения показало близость восточносредиземноморского (понтон-

загросского, арменоидного) типа с предшествующими представителями с территории Армянского нагорья. Черепная коробка характеризуется малым продольным диаметром, поперечный диаметр дает величину, граничащую с большими и средними величинами, высота мозговой коробки у последних выше средней. Лицевой скелет характеризуется большой высотой и средней шириной, высота носа у них – большая, ширина – средняя, выступание носовых костей значительное. Этот комплекс относится к восточносредиземноморскому второму варианту.

Этнические и культурные влияния, фиксируемые памятниками археологии и истории, судя по антропологическому материалу, не были настолько сильными, чтобы существенно изменить процесс этногенеза армянского народа. Последовательное сопоставление данных позволило проследить линию преемственности (при этом учитывается, конечно, действие так называемых направленных во времени изменений в строении черепа, главным образом процессов брахикефализации, которые четко фиксируются в шестом периоде). Комплекс, привнесенный пришлым компонентом, остается в стороне от этой линии развития. По всей вероятности, он бесследно растворился в местной среде. Основной переднеазиатский субстрат, разновидность которого представлена в древнем населении Армянского нагорья, лег в основу дальнейшего формирования главных антропологических комплексов современного населения Армении. Как справедливо отмечает Г.Ф. Дебец, “данные о современном распространении переднеазиатской группы позволяют утверждать, что ее формирование происходило примерно на той же территории, на которой она распространена в настоящее время” (1951: 335–370).

В целях подтверждения изложенного выше приведем несколько примеров из разных областей антропологических исследований, свидетельствующих об общности антропологического субстрата и генетической преемственности морфогенетических маркеров. Подробное изучение антропологических маркеров основных этнических групп армян с территории Армении (по 100 мужчин от 20–60 лет, всего 21 группа) привели М.Г. Абдушелишвили (1963) к следующему выводу, что малая или большая изменчивость соматических признаков присуща армянским группам так же, как и любым другим, однако при внимательном изучении дифференциации признаков среди армянских групп различия между ними отходят на второй план и с отчетливостью проступают их сходство и внутреннее единство.

Население Армянского нагорья по своему одонтологическому статусу и по определяемым генетическим связям соответствует морфологически центральным популяциям южного грацильного одонтологического типа. В.Ф. Кашибадзе обнаружила значительную морфологическую компактность одонтологических маркеров между современными армянскими группами (1990: 285–295). Однако группа из г. Арташата несколько отличается от прочих армянских групп в направлении характеристик восточного подтипа; группа из г. Ехегнадзора входит в компактное морфологическое ядро армян и т.д. Эти спорадические случаи (когда дистанции являются средними или превосходят средние) не подлежат какой-либо канонизации; невозможно определить логическую закономерность в вариабельности величин дистанций и на этой основе выделить какие-либо морфологические варианты внутри армянских выборок. Выявленная вариабельность отражает естественную межпопуляционную изменчивость в рамках морфологического единого и компактного комплекса, а ненаправленность данной вариабельности не нарушает, а, наоборот, подчеркивает эти единство и компактность.

Итак, многомерное фенетическое сопоставление дополняет ту этногенетическую картину, которая выявлена с помощью краниометрического анализа. Совпадение направленности вариаций разных систем признаков находит объяснение с точки зрения ассортативного отбора, базирующегося на представлении о том, что организм представляет собой не сумму отдельных признаков, а единицу, где все элементы связаны между собой. И на весь комплекс признаков распространено действие отбора, резуль-

тат которого и проявляется в направленной изменчивости генетических маркеров. Население Армянского нагорья, таким образом, имеет сложный генофонд, состоящий из разнородных и разноуровневых микроэволюционных линий. Он является продуктом не только дифференциации, но и интеграции (метисации). При этом, по-видимому, те или иные этносы различаются по “густоте” сети взаимодействующих линий, явившихся итогом локальных направлений микроэволюции. Иначе говоря, этносы варьируют по степени гетерогенности генофонда и, как следствие, по временным и морфологическим показателям преемственности. В формировании населения Армянского нагорья метисационные процессы сыграли меньшую роль, поскольку линия генезиса сохранила относительно “чистоту” и большую преемственность.

Население Армянского нагорья в системе этногенетических контактов с культурными мирами

Изучение этногенеза – задача трудоемкая, в силу чего решение этих задач обычно не ограничивается анализом этнической истории на современной территории изучаемого народа. Неизбежно обращение к истории всех этнических компонентов изучаемого народа, к его этническим взаимосвязям с другими этносами. Процесс этногенеза на Армянском нагорье – неразрывная часть обширных этногенетических процессов в Евразии. Области, окружавшие Черное море (Армянское нагорье, Кавказ, Анатолия, Балканы, степи Восточной Европы), на определенных этапах истории оказывались в “кратере” взаимосвязей различных культур. Здесь свершались важнейшие открытия и развивались производства, в частности горнометаллургический промысел. Формировалась циркумпонтийская металлургическая провинция – основная и центральная системы производящих центров для всего Старого Света на протяжении почти двух тысяч лет: со второй половины IV тысячелетия до начала II тысячелетия до н.э. Анализ этногенетического и историко-культурного процесса выявляет, что этнические и культурные границы между этническими массивами были не жесткими, а подвижными и имели характер двусторонне-проницаемых мембран, причем этнокультурная “проницаемость” была не константной, а изменяющейся (по-разному в каждом направлении) величиной. В процессе культурных и экономических взаимодействий этнические группы и соответствующие культуры выступали как селекционирующие (в частности, экономических и культурных элементов и структур) среды. При этом существенны адаптивные способности заимствованных элементов и структур в воспринимающей среде, а также процессы культурной аттракции. Все эти процессы носили ярко выраженный динамический характер.

Палеоантропологический экскурс в армянскую историю вырисовывает картину широких контактов населения Армянского нагорья (Худавердян 2008: 361–364; 2008б: 361–364). Наряду с малыми и крупными миграциями имели место медленное взаимопроникновение, диффузия населения, антропологических типов, самых различных культурных элементов и т.д. Широкое сопоставление краниологических данных позволяет выявить наличие морфологически близких групп в географических рамках всей этой обширной территории. Анализ материала позволяет выделить группы, имеющие схожие черты, как с представителями Армянского нагорья и Кавказа в целом, так и с группами Передней Азии. Среди восточноевропейских групп эти черты наиболее отчетливо проявились у представителей Поднепровья (носители трипольской культуры), Поволжья (племена культур абашевской, хвалынской, фатьяновской, ямной и катакомбно-полтавкинского времени), Калмыкии (носители культур майкопской, катакомбно-ямно-катакомбного времени), Поднепровья (племена катакомбно-ямно-катакомбной культуры), Украины (носители культур трипольской, шнуровой керамики), Прибалтики (Звейниекы, Олений о-в) и т.д. Среди западноевропейских групп восточносредиземноморский комплекс зафиксирован у племен культур воронковидных кубков и шну-

ровой керамики из Польши, шаровидных амфор и погребений с охрой из Румынии, шнуровой керамики из Дунайского бассейна, Восточной Пруссии и Чехии, линейно-ленточной керамики из Венгрии, воронковидных кубков из Германии, мегалитической из Дании и т.д. Связи представителей восточносредиземноморского круга отчетливо фиксируются и в эпоху развитой поздней бронзы и раннего железа. Так, восточносредиземноморские черты наиболее отчетливо проявились у представителей Поволжья, Калмыкии, Приуралья, Средней Азии, Сибири, Поднепровья, Украины, Подонья, Поднестровья, Латвии, Румынии и т.д. Учитывая сказанное выше, можно представить себе определенную переселенческую волну, связавшую территориально отдаленные области (*Она же* 2008а: 361–364; 2008б: 228–234).

Взаимодействие миров продолжается и позднее, когда на территории Армянского нагорья появляются киммерийские, сакские, скифские, сарматские и другие племена. В гибели могущественных государств Передней Азии скифы сыграли немаловажную роль. Скифы, сарматы, киммерийцы, согласно историческим источникам, часто совершали военные набеги на Северный Кавказ и Закавказье. Сведения об эпизодических инфильтрациях подобного рода содержатся в античных и древнеармянских источниках, освещающих исторические события рассматриваемой эпохи (*Страбон* XI, V: 8; *Хоренаци* II: 8, 28, 68). Многие урартские города и поселения были, вероятно, также разрушены скифами, или, вернее, кочевыми племенами, проникавшими в Закавказье, на Армянское нагорье и центральную часть Передней Азии с Кавказского хребта⁶. Кочевые племена, вторгшиеся на Армянское нагорье с севера, не были для местного населения совершенно неизвестными, новость откуда пришедшими. Появление в Передней Азии кочевых племен (киммерийцев, скифов)⁷ было, по-видимому, явлением частым, и эти пришельцы не всегда были врагами переднеазиатских государств. Топонимика Армянского нагорья указывает на названия местностей, связанных с племенным названием скифов (саков). Так, в стране Ути есть область Шикашен (Шикашен), – “поселение саков”; это название встречается у Страбона в форме “Сакасене” (Σαχαστηνη), а у Плиния – “Сакасани” (Sacasani). По сообщению Моисея Каланкатуйского, в области Арцах одна местность носила название Шикакар – “скала скифов” (*Патканов* 1877: 13), а в древней Албании была область, называвшаяся Шаке. Племена, которые можно назвать скифами лишь условно, находились с урартами в постоянном контакте, но при ослаблении центральной власти Ванского царства они и нанесли решающий удар по северным урартским крепостям. Как эти изменения этнической ситуации отразились на антропологическом материале? Не исключено, что обычай искусственной деформации головы и зубов, зафиксированной на черепках из античных погребений Армянского нагорья, может служить признаком нового этнического самосознания (*Худавердян* 1997: 138–144; 2004: 65–72; 2005: 91–95). В процессе этих передвижений происходило и этническое взаимодействие их с местными группами. Вместе с тем появление кочевых племен не вызвало особых изменений в антропологическом облике местного населения (*Она же* 2000: 35–59; 2001: 11).

В своей работе В.П. Алексеев отметил, что для решения проблемы этногенеза необходим комплексный подход, поскольку ни антропологические, ни этнографические, ни археологические, ни лингвистические, ни источниковедческие, ни историографические исследования сами по себе не могут дать ответ на поставленный вопрос (1986: 35–298). Этногенез в диахронном плане – это процесс, а в синхронном плане – система, имеющая специфические параметры развития, и, как всякая система, характеризуется не только отдельными составными частями, но и свойствами, функциональными связями элементов, образующих систему, т.е. это сложное целое, изучение которого требует полифакторального анализа.

И последнее. Без прошлого нет будущего. И тот, кто не знает прошлого, не может представить будущее. Вспомним законы геометрии: через одну точку можно провести бесконечное множество линий, однако через две точки можно провести единственную

прямую. Одна точка в истории нам известна – это настоящее. А изучая прошлое, мы находим в нем вторую точку, закрепляющую наше продвижение в будущее. Но история сложнее геометрии и одной точки в прошлом недостаточно. Следует знать и изучать все прошлое, чтобы лучше видеть в будущем. В данной статье мы попытались представить и проанализировать антропологические материалы, полученные при раскопках могильников с территории Армянского нагорья. Вместе с тем этногенез и этническая история Армянского нагорья достаточно сложны, а посему полученные результаты нельзя считать окончательными. Надеемся, что настоящая работа не только расширит горизонты исторического изучения населения Армянского нагорья, но станет также основой для более глубокого исследования многочисленных проблем, связанных с историей армянского народа, внесшего неоценимый вклад в развитие общемировой культуры.

Таблица 1

Основные палеодемографические характеристики населения Армянского нагорья, %

	Средний возраст смерти	Средний возраст смерти без учета детей	Процент детской смертности	Процент детей в интервале 0–2 лет	Общий репродуктивный уровень
Ланджик	24.5	29.4	20.0	–	2.33
♂	35.0				
♀	27.5				
Черная крепость	31.3	38.0	23.1	–	1.60
♂	37.5				
♀	38.1				
Бениамин	27.6	35.8	25.2	44.3	1.85
♂	39.9				
♀	34.4				
Вардбах	27.5	32.5	16.7	20.0	1.92
♂	29.2				
♀	33.9				
Черная крепость I	32.7	35.1	9.5	–	1.59
♂	40.6				
♀	31.1				

	Общий показатель рождаемости	Общий размер семьи с учетом детей	Коэффициент “активного” населения	Процент “активного” населения
Ланджик	0.041	4.7	0.25	80.0
Черная крепость	0.032	3.2	0.44	69.2
Бениамин	0.036	3.7	0.43	70.1
Вардбах	0.036	3.8	0.20	83.3
Черная крепость I	0.031	3.2	0.17	85.7

Рис. 1. Локализация краниологических серий с территории Армянского нагорья: 1 – Ланджик (куро-араксская культура), 2 – Джарат (куро-араксская культура), 3 – Шенгавит (куро-араксская культура), 4 – Мейданнер (куро-араксская культура), 5 – Черная крепость (II тыс. до н.э.), 6 – Неркин Геташен (XV/XIV–XI вв. до н.э.), 7 – Артик (XV/XIV–XI вв. до н.э.), 8 – Норадуз I (XI–IX/VIII вв. до н.э.), 9 – Сарухан (XI–IX/VIII вв. до н.э.), 10 – Арцвакар (XI–IX/VIII вв. до н.э.), 11 – Цамакаберд (XI–IX/VIII вв. до н.э.), 12 – Ором (XI–IX/VIII вв. до н.э.), 13 – Урарту (VIII–VI вв. до н.э.), 14 – Норадуз II (VIII–VI вв. до н.э.), 15 – Бениамин (I в. до н.э. – III в. н.э.), 16 – Бениамин I (I в. до н.э. – III в. н.э.), 17 – Бениамин II (I в. до н.э. – III в. н.э.), 18 – Черная крепость I (I в. до н.э. – III в. н.э.), 19 – Вардбах (I в. до н.э. – III в. н.э.), 20 – Гарни (I в. до н.э. – III в. н.э.), 21 – Ширакаван (I в. до н.э. – III в. н.э.), 22 – Кармракар (I в. до н.э. – III в. н.э.), 23 – Карчахпюр (I в. до н.э. – III в. н.э.), 24 – *Crania armenica* (XX в.).

Таблица 2

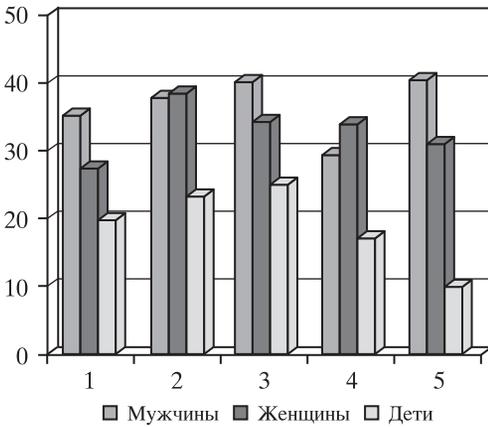
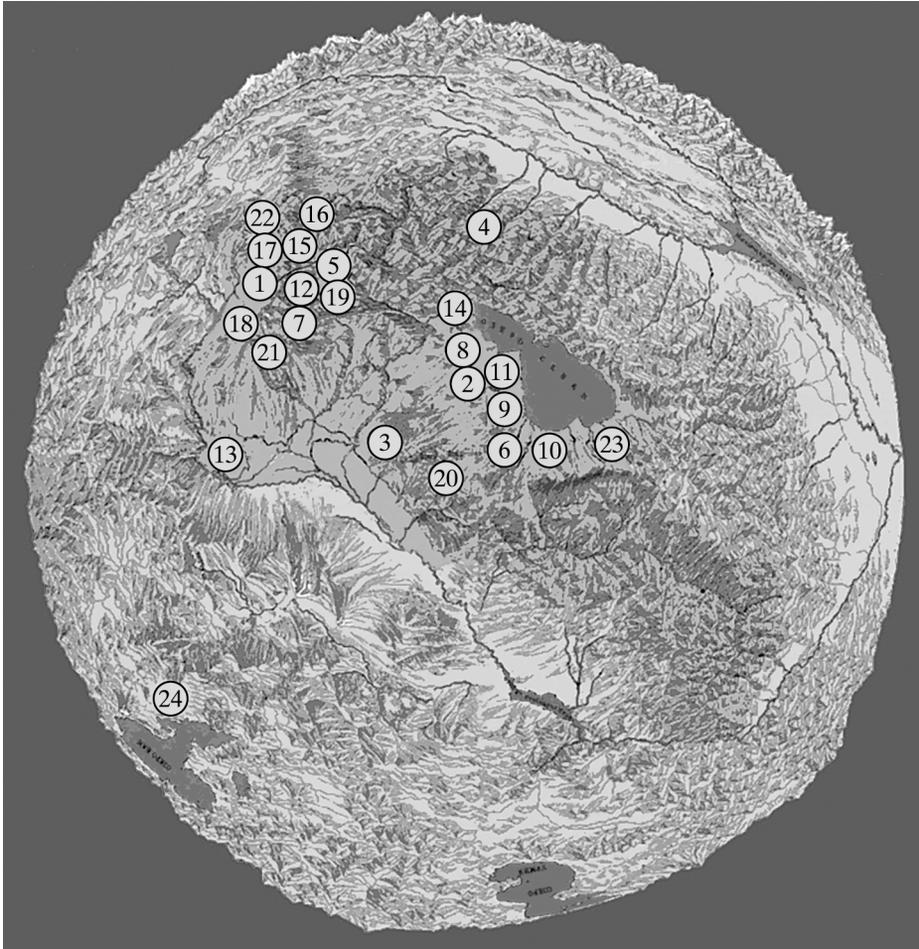
Частота встречаемости урвской болезни, дегенеративных изменений на суставах и позвоночнике в скелетных сериях из могильников Армянского нагорья, %

	Урвская болезнь	Узлы Шморля	Артрозы	Артриты	Подагра	Спондилезы
Ланджик	–	–	–	–	–	–
Черная крепость	15.4	20.0	20.0	0.0	0.0	23.1
Бениамин	0.0	21.8	45.6	20.1	0.0	27.3
Вардбах	16.7	36.4	18.2	7.7	27.3	7.7
Черная крепость I	0.0	21.1	12.5	6.3	18.8	6.3

Таблица 3

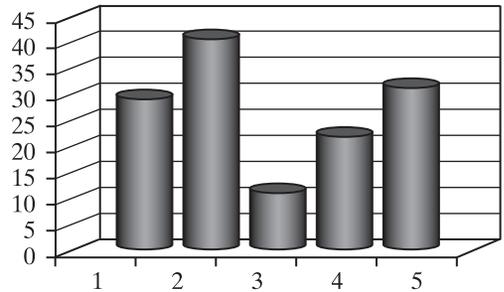
Литературные источники краниологических характеристик серий, используемых для анализа (регион – Армянское нагорье)

	Серия, могильник, количество наблюдений	Период и археологическая культура	Источники
1	Ланджик (10)	куро-араксская	<i>Худавердян</i> 1996
2	Джарат (4)	куро-араксская	<i>Тер-Мартirosян</i> 1955; <i>Алексеев</i> 1974
3	Шенгавит (5)	куро-араксская	<i>Тер-Мартirosян</i> 1955; <i>Алексеев</i> 1974
4	Мейданнер (10)	куро-араксская	<i>Алексеев</i> , <i>Мкртчян</i> 1989
5	Черная крепость (13)	II тыс. до н.э.	<i>Худавердян</i> 2004
6	Неркин Геташен (13)	XV/XIV–XI вв. до н.э.	<i>Паликян</i> 1990; <i>Мкртчян и др.</i> 1997
7	Артик (17)	XV/XIV–XI вв. до н.э.	<i>Бубушян</i> 1972; <i>Алексеев</i> 1974
8	Норадуз I (13)	XI–IX/VIII вв. до н.э.	<i>Алексеев</i> 1974
9	Сарухан (13)	XI–IX/VIII вв. до н.э.	<i>Паликян</i> 1990
10	Арцвакар (16)	XI–IX/VIII вв. до н.э.	<i>Паликян</i> 1990
11	Цамакаберд (18)	XI–IX/VIII вв. до н.э.	<i>Тер-Мартirosян</i> 1955; <i>Алексеев</i> 1974
12	Ором (33)	XI–IX/VIII вв. до н.э.	<i>Мкртчян</i> , <i>Аветисян</i> 1996; <i>Худавердян</i> 2001
13	Урарту (20)	VIII–VI вв. до н.э.	<i>Мкртчян</i> , <i>Аветисян</i> 1996
14	Норадуз II (9)	VIII–VI вв. до н.э.	<i>Мкртчян</i> , <i>Аветисян</i> 1996; <i>Худавердян</i> 2001
15	Бениамин (217)	I в. до н.э. – III в. н.э.	<i>Худавердян</i> 2000
16	Бениамин I	I в. до н.э. – III в. н.э.	<i>Худавердян</i> 2000
17	Бениамин II	I в. до н.э. – III в. н.э.	<i>Худавердян</i> 2000
18	Черная крепость I (18)	I в. до н.э. – III в. н.э.	<i>Худавердян</i> 2001
19	Вардбах (14)	I в. до н.э. – III в. н.э.	<i>Худавердян</i> 2006
20	Гарни (6)	I в. до н.э. – III в. н.э.	<i>Алексеев</i> 1974
21	Ширакаван (16)	I в. до н.э. – III в. н.э.	<i>Паликян</i> 1990; <i>Худавердян</i> 2000
22	Кармракар (1)	I в. до н.э. – III в. н.э.	<i>Худавердян</i> 2005
23	Карчахпюр (11)	I в. до н.э. – III в. н.э.	<i>Паликян</i> 1990
24	<i>Crania armenica</i> (105)	XX в.	<i>Бунак</i> 1927

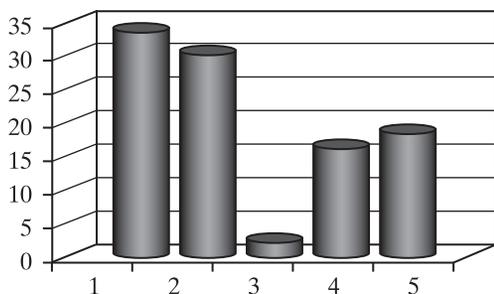
Рис. 2. Средний возраст смерти у погребенных Армянского нагорья:

1 – Ланджик, 2 – Черная крепость, 3 – Бениамин, 4 – Вардбах, 5 – Черная крепость I

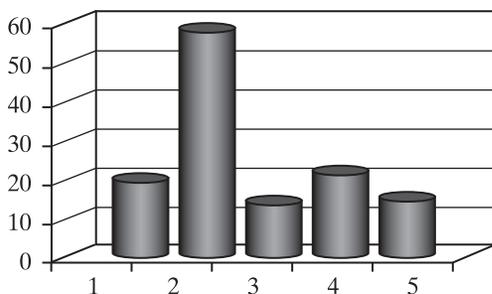
Рис. 3. Сосудистая реакция на костях черепа у погребенных Армянского нагорья:

1 – Ланджик, 2 – Черная крепость, 3 – Бениамин, 4 – Вардбах, 5 – Черная крепость I

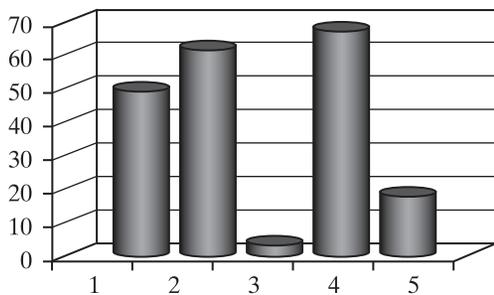
Рис. 4. Кариес у погребенных Армянского нагорья:

1 – Ланджик, 2 – Черная крепость,
3 – Бениамин, 4 – Вардбах,
5 – Черная крепость I

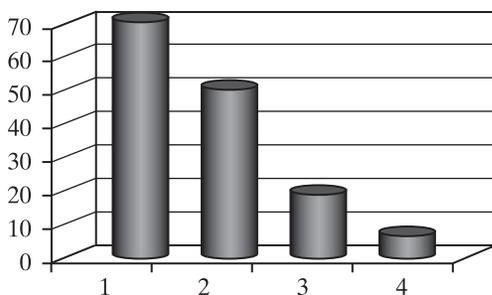
Рис. 7. Травматические повреждения у погребенных Армянского нагорья:

1 – Ланджик, 2 – Черная крепость,
3 – Бениамин, 4 – Вардбах,
5 – Черная крепость I

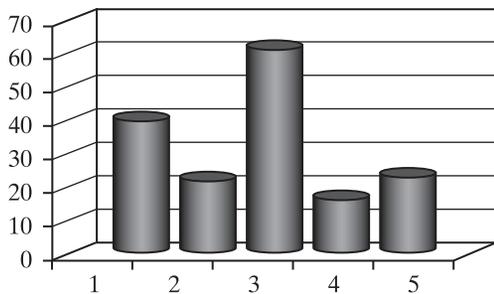
Рис. 5. Эмалевая гипоплазия на зубах в группах Армянского нагорья:

1 – Ланджик, 2 – Черная крепость,
3 – Бениамин, 4 – Вардбах,
5 – Черная крепость I

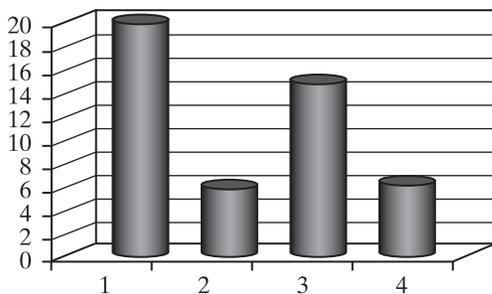
Рис. 8. Доброкачественные опухоли костной ткани у погребенных Армянского нагорья:

1 – Черная крепость, 2 – Черная крепость I,
3 – Вардбах, 4 – Бениамин

Рис. 6. Асимметрия зубов в группах Армянского нагорья:

1 – Ланджик, 2 – Черная крепость,
3 – Бениамин, 4 – Вардбах,
5 – Черная крепость I

Рис. 9. Злокачественные опухоли костной ткани у погребенных Армянского нагорья:

1 – Черная крепость, 2 – Черная крепость I,
3 – Вардбах, 4 – Бениамин

Примечания

¹ На генофонд популяции действуют 1) процесс генных мутаций, изменяющий гены, а следовательно, и кодируемые ими свойства организмов, причем темп изменений зависит от мутагенной активности среды; 2) случайный дрейф генов. Случайное изменение генофонда в новом поколении наиболее существенно проявляется там, где есть значительное несоответствие между потенциально бесконечным разнообразием возможных генотипов нового поколения и малым конечным числом их реальных носителей в небольших и преимущественно эндогамных популяциях – изолятах. В популяциях действуют все эти факторы генетической динамики, но удельный вес их различен в тех или иных группах. Генетическое изменение популяции идет непрерывно и проявляется в конечном счете в наследственном полиморфизме – разнообразии людей и в дифференцированном распространении наследственных заболеваний в различных группах.

² Здоровье популяции есть процесс социально-исторического развития биологической и психосоциальной жизнеспособности населения в ряду поколений, упрочения экологического доминирования, совершенствования вида *Homo sapiens*. Критерии здоровья популяции наряду с индивидуальными свойствами составляющих ее людей включают уровень рождаемости, здоровье потомства, генетическое разнообразие, приспособленность населения к природным условиям и т.д.

³ Чаще всего в традиционном фольклоре и субкультурном дискурсе отмечаются удары по голове. А. Грунтовский указывает, что из 51 точно локализованного удара 37 (если суммировать удары в лицо и в голову) пришлись на голову (1998: 31–76). В сборнике пословиц В.И. Даля представлена довольно большая подборка высказываний о драках (1993: 48–66). В них в качестве объекта воздействия чаще всего упоминаются: голова, борода и волосы, ухо, зубы, глаз, рыло, щека, бока. Опять-таки безусловное лидерство принадлежит голове с ее отделами (частями). Мотив следа от полученных ударов указывает на его значимость, особенно заметную в контексте ритуалов посвящения. Какова семантика удара в голову? Напрашивается мотив: дать в лоб, чтобы дать ума. После удара в голову ее обладатель “умнеет” (социализируется), простиупает основное значение – “дать ума” (имея в виду, конечно, мифологическое значение, а не физические последствия).

⁴ Можно напомнить, что в прошлом женщина играла в обществе доминирующую роль, ей был присущ куда более “мужской” набор качеств – напористость, деловитость, храбрость и даже жестокость. Классическими носителями этих качеств были амазонки – женщины-воительницы, о которых сохранилось немало преданий и исторических свидетельств (Худавердян 1991: 1, 3). Воинственные женщины в обществе имели высокий социальный ранг. Феномен амазонок представлен у Геродота, Гиппократом, Николаем Дамасского и др. Древнегреческие историки местом обитания амазонок называли побережье Черного моря, Крым и Кавказ. О кавказских амазонках писал и Страбон.

⁵ Первые попытки теоретического описания опухолевого роста зафиксированы в древних манускриптах, в которых приводилась классификация опухолей, – постоянные, простые и золотушные. Среди причин их возникновения указывались травма, употребление в пищу определенных веществ, термические влияния. И сейчас, когда мы уже достаточно знаем о наличии канцерогенных веществ и влиянии биологических, физических и химических раздражителей, приходится удивляться прозорливости древних, их интуиции и наблюдательности.

⁶ Возможно, именно на это указывают бронзовые наконечники стрел скифского типа, найденные на поверхности холма Топрак-кале, в урартских крепостях Хайкаберд, Кармир-блур и др. Особенно интересны обстоятельства, при которых эти бронзовые наконечники начала VI в. были обнаружены. Большинство их зафиксировано не в культурном слое поселения, а в перекрывающем его грунте из разрушенных верхних частей стен, сложенных из сырового кирпича. Следовательно, первоначально, до разрушения стен строения, стрелы находились в кладке стены. Некоторые из них имеют обломы и изгибы на концах, образовавшиеся от удара о камень, а один из наконечников торчал в слое глиняной обмазки, прикрывавшей каменный фундамент стены. Итак, стрелы с наконечниками скифского типа принадлежат врагам, которые обстреливали крепость Кармир-блур. В отличие от Кармир-блур, где преобладают трехгранные и двугранные наконечники со втулкой и шипом, на Аринберде значительная часть стрел трехгранная, ромбической формы без втулки. Последний тип относится к более позднему (уже ахеменидскому) времени (*Ghirshman* 1954). В большинстве из указанных пунктов, где были найдены наконечники стрел скифского типа, согласно историческим данным, могли быть и скифы, и мидийцы.

⁷ Касаясь вопроса о направлении движения киммерийцев и скифов через Кавказ, Е.И. Крупнов указывает, что их продвижение шло по древним и давно освоенным путям, связывавшим население Северного Кавказа и Закавказья еще с эпохи бронзы (1964: 35). Киммерийцы прошли в Закавказье по меото-колхидской дороге; скифы, по мнению Е.И. Крупнова, двигались по четырем маршрутам: по меото-колхидской дороге, через Мамисонский перевал, Дарьяльский и Дербентский проходы. В основном они перемещались по каспийскому побережью. В истории Передней Азии отмечаются три этапа вторжения кочевых племен с севера, через Кавказ, и с востока. Первый этап – киммерийский – связан с появлением кочевых племен в конце VIII в. и образованием страны Гамир в Каппадокии, второй – скифский – начался в середине VII в. и привел к образованию в приурмийском районе скифского царства (“царство Ашкуз” или “Ашкеназ”), упоминаемого в Библии (“Книга Иеремии”), в части, датированной 593 г., и третий – сакский – начался уже в VI в. и связан с вторжением сакских племен из Средней Азии (*Струве* 1946: 243; 1949: 28).

Литература

- Абдушлишвили* 1963 – *Абдушлишвили М.Г.* Об антропологическом составе современного населения Армении // Антропологический сб. М., 1963 (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 82).
- Абдушлишвили* 1966 – *Абдушлишвили М.Г.* К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966.
- Алексеев* 1974 – *Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
- Алексеев* 1986 – *Алексеев В.П.* Этногенез. М., 1986.
- Алексеев, Мкртчян* 1989 – *Алексеев В.П., Мкртчян Р.А.* Палеоантропологический материал из погребений в Армении и вопросы генезиса населения куро-аракской культуры // Сов. этнография. 1989. № 1. С. 127–134.
- Бочаров* 2000 – *Бочаров В.В.* Антропология насилия // Антропология насилия. СПб., 2000.
- Бубуциян* 1972 – *Бубуциян Р.А.* Антропологические материалы из раскопок археологических памятников Советской Армении // Информ. бюл. Ереванского государственного ун-та. 1972. № 12.
- Бужилова* 1995 – *Бужилова А.П.* Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М., 1995.
- Бунак* 1927 – *Бунак В.В.* *Станіа арменіса* // Антропологический сб. М., 1927. (Тр. Ин-та антропологии при МГУ. Вып. 2.)
- Грунтовский* 1998 – *Грунтовский А.* Русский кулачный бой // История. Этнография. Техника. СПб., 1998.
- Даль* 1993 – *Даль В.И.* Пословицы русского народа. В 3-х т. М., 1993.
- Дебец* 1951 – *Дебец Г.Ф.* Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии // Антропологический сб. М., 1951 (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. XVI).
- Козловская* 2002 – *Козловская М.Г.* Системы питания и образ жизни первобытных и исторических сообществ охотников-рыболовов-собираателей // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3 (11).
- Кузнецова* 1992 – *Кузнецова Т.С.* Скифы // Хрестоматия. М., 1992.
- Медникова, Добровольская* 2008 – *Медникова М.Б., Добровольская М.В.* “Медные люди” из курганов эпохи бронзы: к реконструкции профессиональной активности // Тр. II (XVIII) всероссийского археологического съезда в Суздале. 20–25 октября 2008 г. Т. I. Секция 4: Эпоха ранней и средней бронзы Евразии. М., 2008.
- Мкртчян, Аветисян* 1996 – *Мкртчян Р.А., Аветисян П.С.* Палеоантропологические материалы из Урартских погребений в историко-археологическом контексте 8–6 вв. до н.э. Ереван, 1996.
- Мкртчян и др.* 1997 – *Мкртчян Р.А., Пилитосян А.С., Паликян А.К.* Коллективное погребение эпохи средней бронзы Неркин Геташена (социокультурная характеристика) // Вестн. обществ. наук НАН РА. 1997. № 1 (594).
- Паликян* 1990 – *Паликян А.К.* Новые палеоантропологические материалы с территории Армении // Биологический журнал Армении. 1990. № 4.
- Патканов* 1877 – *Патканов К.П.* Армянская география VII века. СПб., 1877.
- Попов и др.* 1997 – *Попов А.Н., Чикашева Т.А., Шпакова Е.Г.* Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). Новосибирск, 1997.
- Рычков* 1982 – *Рычков Ю.Г.* Генетика демографических процессов в народонаселении // Вопр. антропологии. 1982. Вып. 70.

- Страбон* 1964 – *Страбон* // География в 17-ти книгах / Ред. Г.А. Стратановский. М., 1964.
- Струве* 1946 – *Струве В.В.* Поход Дария I на саков-массагетов // Изв. АН. 1946. № 3.
- Струве* 1949 – *Струве В.В.* Дарий и скифы Причерноморья // Вестн. древней истории. 1949. № 4.
- Тер-Мартirosян* 1955 – *Тер-Мартirosян В.А.* Краниологический материал с территории Армении. Дипломная работа. Москва, МГУ. 1955.
- Федорова и др.* 1997 – *Федосова В.Н., Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В.* Палеодемография и поло-возрастные особенности погребального обряда охотников-собираателей Саргыша Па // Неолит лесной полосы Восточной Европы (антропология Сахтышских стоянок). М., 1997.
- Худавердян* 1991 – *Худавердян А.Ю.* Внимание – амазонки! // Арагаст. 1991. № 4.
- Худавердян* 1996 – *Худавердян А.Ю.* Антропология древнего Ланджикского населения // Народная культура армян. 1996 (Тез. докл. 10 сессии, посвященной итогам археологических исследований в РА, 1993–1995).
- Худавердян* 1997 – *Худавердян А.Ю.* Искусственно-деформированные черепа и зубы из погребений античного могильника Бениамин // Вестн. обществ. наук НАН РА. 1997. № 2 (595).
- Худавердян* 1999 – *Худавердян А.Ю.* Предварительные результаты эпохальных изменений морфологических признаков на территории Армении // Медицинская наука Армении. 1999. № 1. Т. XXXIX.
- Худавердян* 2000 – *Худавердян А.Ю.* Население Армянского нагорья в античную эпоху (по антропологическим данным Бениаминского могильника). Ереван, 2000.
- Худавердян* 2001 – *Худавердян А.Ю.* Население Армянского нагорья в античную эпоху (по антропологическим данным Бениаминского могильника). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 2001.
- Худавердян* 2004 – *Худавердян А.Ю.* Искусственная деформация черепов из античных погребений Ширакской равнины // Народная культура армян. 2004. № 12 (Матер. республиканской науч. сессии).
- Худавердян* 2005 – *Худавердян А.Ю.* Атлас палеопатологических находок на территории Армении. Ереван, 2005.
- Худавердян* 2006 – *Худавердян А.Ю.* Одонтологическая и краниоскопическая характеристика античного населения Вардбаха // Народная культура армян. 2006. № 13 (Матер. республиканской науч. сессии).
- Худавердян* 2008 – *Худавердян А.Ю.* Древнейшие общности Армянского нагорья, Кавказа, Европы, Передней и Средней Азии, Сибири – о диалоге миров (по данным одонтологии) // Тр. II (XVIII) всероссийского археологического съезда в Суздале. 20–25 октября 2008 г. Т. I: Секция 4. Эпоха ранней и средней бронзы Евразии. М., 2008.
- Acsádi, Nemeskéri* 1970 – *Acsádi Gy., Nemeskéri I.* History of human life span and mortality. Вр., 1970.
- Ghirshman* 1954 – *Ghirshman R.* Village Perse-Achéménide // Mémoires de la Mission archéologique en Iran. XXXVI. P., 1954.
- Kherumian* 1943 – *Kherumian R.* Les arméniens. Introduction a l'anthropologie du Caucase. P., 1943.
- Lösch et al.* 2006 – *Lösch S., Grupe G., Peters J.* Stable isotopes and dietary adaptations in humans and animals at prepottery Neolithic Nevalı Çori, Southeast Anatolia // American Journal of Physical Anthropology. 2006. Vol. 131. Issue 2.
- Orthner, Putchar* 1981 – *Orthner D.J., Putchar W.G.J.* Identification of pathological conditions in human skeletal remains // Smithsonian contributions to anthropology. 1981. Vol. 28.

A. Y. K h u d a v e r d i a n. The Origin of the Armenian People in the Context of Paleanthropological Data

Keywords: Armenian plateau, Armenoid type, ethnic origins, social structure, reproduction, birth rate, population health, physiological stress, disadaptation, dialogue of cultures

The article discusses the part that social-historical, paleoecological, paleodemographical, paleopathological, and biological factors played in defining the genetic condition of the Armenian population. The author takes a broad chronological framework for the study to observe the epochal changeability of these factors and to provide examples pointing to the pattern of genetic succession of the Armenian population.